

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ЗА 1972—1995 гг.

I. СОЧИНЕНИЯ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА (публикация ранее не издававшихся текстов)

КТО ПРАВЕЕ? ПИСЬМА К ВЛАДИМИРУ СЕРГЕЕВИЧУ СОЛОВЬЕВУ.

Письмо третье. Революция по г. Астафьеву и революция по моему // Наш современник. 1991. № 12.

Письмо четвертое // Новый журнал. Нью-Йорк, 1992. № 188 (публикация Г. Б. Кремнева).

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОНЕСЕНИЯ:

Записка о необходимости литературного влияния во Фракии. 20 октября 1865 г. Адрианополь. Донесения от 4 апреля 1867 г. (2 донесения), от 2 мая 1867 г. Все — Адрианополь // Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Документи и материали. Т. П. Януари. 1864 — май 1867. София, 1990 (документы № 102, 230, 231, 249).

II. ПИСЬМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

К кн. Д. Н. Цертелеву. 1890—1891 (6 писем) // Начала. 1992. № 2 (публикация А. П. Козырева).

Избранные письма. 1854—1891. СПб., 1993 (публикация и составление Д. В. Соловьева). Наряду с ранее опубликованными ряд писем публикуется впервые, в частности письма, адресованные И. С. Аксакову, Н.Н. Страхову, К. Н. Бестужеву-

Рюмину, П. Мериме, гр. Н. П. Игнатьеву, В. В. Леонтьеву, П. М. Леонтьеву, кн. К. Д. Гагарину, Н. Я. Соловьеву, Вс. С. Соловьеву, В. Г. Авсеенко, М. В. Леонтьевой, О. А. Новиковой, Г. И. Замараеву, Е. П. Леонтьевой, И. И. Фуделю, В. М. Эберману, Л. И. Раевской, Э. К. Вытропскому, Н. А. Уманову, кн. Е. А. Гагариной и др.

III. ПЕРЕИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

(указываются только книжные републикации)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ: В 4 т. *Analecta Slavica*, 1975 (репринтное переиздание первых томов СС).

ЕГИПЕТСКИЙ ГОЛУБЬ. Роман, повести, воспоминания / Сост., вступ. статья и коммент. В. А. Котельникова. М., 1991.

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ. Цветущая сложность / Сост., вступ. статья и коммент. Т. М. Глушковой. М., 1992.

ЗАПИСКИ ОТШЕЛЬНИКА / Сост., вступ. статья и примечания В. Кочеткова. М., 1992.

ИЗБРАННОЕ / Сост., вступ. статья И. Н. Смирнова. М., 1993.

К. ЛЕОНТЬЕВ, НАШ СОВРЕМЕННИК / Сост., вступ. статьи Б. Адрианова, Н. Мальчевского. СПб., 1993.

ПИСЬМА К ВАСИЛИЮ РОЗАНОВУ / Вступ. статья Б. А. Филиппова. Лондон, 1981.

РОССИЯ ГЛАЗАМИ РУССКОГО. СПб., 1991.

ВИЗАНТИЗМЪТ И СЛАВЯНСТВОТО: Писмата на един отшелник: Русите, гърците и южните славяни: Опыт за нац. психология. София: Славика, 1993.

IV. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Формулярный список К. Н. Леонтьева о службе цензора Московского цензурного комитета, статского советника Леонтьева // История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. II—III. М., 1992 / Публ. и примеч. А. П. Николаева (Российский архив).

V. СТАТЬИ И УПОМИНАНИЯ О ЛЕОНТЬЕВЕ

Гайденок П. П. Наперекор историческому процессу (Леонтьев — литературный критик) // Вопросы литературы. 1974. № 5.

- Голосенко И. А. К. Н. Л. // Социологическая мысль в России. Л., 1978.
- Бочаров С. Г. «Эстетическое охранение» в литературной критике (Л. о русской литературе) // Контекст-1977. М., 1978.
- Бочаров С. Г. Эстетический трактат Л. // Вопросы литературы. 1988. № 12.
- Бочаров С. Г. «Ум мой упростить я не могу» // Литературная газета. 1991. 18 дек.
- Бочаров С. Г. Леонтьев К. Н. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994.
- Ильин В. Н. Арфа Давида. Религиозно-философские мотивы русской литературы. Т. I: Проза. Сан-Франциско, 1980.
- Губанков Н. Н. К истории борьбы эстетизма с техницизмом в буржуазной культурологии // Искусство в системе культуры. Л., 1981.
- Авдеева Л. Р. Философско-методологические аспекты консервативной социологии Л. // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. М., 1981. Вып. 9.
- Авдеева Л. Р. Проблема «Россия и Европа» в воззрениях Н. Я. Данилевского и К. Н. Л. // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. 1982. № 3.
- Авдеева Л. Р. К. Н. Л.: пророк или «одинокий мыслитель»? // Социально-политический журнал. 1992. № 8.
- Гальцева Р. П., Роднянская И. Б. Раскол в консерваторах // Неоконсерватизм в странах Запада. М., 1982. Ч. 2.
- Рабкина Н. А. Антигерой Достоевского и штрихи реальной истории // Известия ОЛЯ. 1984. № 4.
- Рабкина Н. А. Византизм К. Л. // История СССР. 1991. № 6.
- Рабкина Н. А. Литературные уроки (Тургенев и Леонтьев — история взаимоотношений) // Вопросы литературы. 1991. № 4.
- Бажов С. И. Некоторые аспекты проблемы культурно-исторического самоопределения России в творчестве К. Н. Л. // Актуальные проблемы истории русской философии XIX в. М., 1987.
- Лиливяли Н. В. К вопросу о сущности консервативного общественного идеала К. Н. Л. // Актуальные проблемы истории русской философии XIX в. М., 1987.
- Лиливяли Н. В. Религиозно-философская концепция К. Н. Л. // Религиозно-идеалистическая философия в России XIX — начала XX века. М., 1989.

- Абрамов А. И. Культурно-историческая концепция русской цивилизации К. Л. // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. М., 1988.
- Бибихин В. В. К. Н. Л. // Литературная газета. 1989. 5 апр.
- Котельников В. А. Оптина пустынь и русская литература // Русская литература. 1989. № 4.
- Салмин А. М. Политическая историософия Л. // Русская политическая мысль 2-й половины XIX в. М., 1989.
- Садовской Б. А. Лебединые клики. М., 1990. Упом. К. Л.: С. 435, 446.
- Глушкова Т. М. «Боюсь, как бы история не оправдала меня...» // Наш современник. 1990. № 7; К. Л. Цветущая сложность. М., 1992.
- Соловьев В. С. Письмо К. Н. Леонтьеву (1885) (публикация Н. В. Котрелева) // Вестник РХД. 1990. № 158.
- Лосев А. Ф. Вл. Соловьев и его время. М., 1990. С. 523–537.
- Лесневский С. С. Писатель-иннок: К 160-летию со дня рождения К. Н. Л. // Книжное обозрение. 1991. 25 янв.
- Буданова Н. Ф. Достоевский и Л. // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9.
- Морякова О. В. Культурная традиция и политика в философии К. Л. // Человек и культурно-историческая традиция. Тверь, 1991.
- Гачев Г. Д. Русская дума. М., 1991.
- Корольков А. А. Пророчества К. Л. СПб., 1991.
- Корольков А. А. К. Л. и его эстетическая картина эгалитарного прогресса // Философские науки. 1991. № 11.
- Корольков А. А. Неуслышанный Леонтьев // Смена. 1995. № 6.
- Дурылин С. Н. В своем углу. М., 1991. Упом. К. Н. Л.: С. 250, 225–226, 234, 260, 261, 270, 278–280.
- Косик В. И. К. Н. Л.: реакционер, пророк? // Советское славяноведение. 1991. № 3.
- Рубцова Т. Н. Концепция культуры К. Н. Л. // Вестник МГУ. Сер. 7.: Философия. 1991. № 4.
- Куликов Ю. Склоняя голову: обретение могил К. Н. Л. и В. Розанова // Литературная Россия. 1991. 18 окт.
- Сивак А. Ф. Всадник русского апокалипсиса // Литературная газета. 1991. 20 нояб.
- Сивак А. Ф. К. Леонтьев. Л., 1991.
- Багдасаров Р., Вовченко А. Возвращение Леонтьева // Литературная Россия. 1991. № 47.

- Кремнев Г. Б.* Л. и русское будущее // Наш современник. 1991. № 12.
- Янов А. Л.* Трагедия великого мыслителя // Вопросы философии. 1992. № 1.
- Янов А. Л.* Три утопии (М. Бакунин, Ф. Достоевский, К. Л.) // Искусство кино. 1992. № 9.
- Козырев А. П.* В. Соловьев и К. Л.: диалог в поисках «Русской звезды» // Начала. 1992. № 2.
- Константинов В. К.* истории одной полемики (К. Н. Л. и В. С. Соловьев о проблемах христианской эсхатологии // Начала. 1992. № 2.
- Иванова Е. В.* К. Н. Л.: судьба и идеи // Литературная учеба. 1992. № 1–3.
- Гагарин А. С.* Кризис европоцентризма и судьба России: культурологические воззрения К. Н. Л. и О. Шпенглера // Культуры в диалоге. 1992. Вып. 1.
- Кочетков В.* Жизнь и судьба неузнанного гения // К. Л. Записки отшельника. М., 1992.
- Смирнов И. Н.* К. Л.: жизнь и творчество // К. Л. Избранное. М., 1993.
- Жуков В. Н.* Рец. на: К. Н. Л. Записки отшельника // Вопросы философии. 1993. № 6.
- Пушкин С. Н., Шапошников Л. Е.* Рец. на: А. А. Корольков. Пророчества К. Л.; А. Ф. Сивак. К. Л. // Вопросы философии. 1993. № 3.
- Шестаков Н. А.* К. Л. и русский либерализм // Вестник МГУ. Сер. 12.: Социально-политические исследования. 1993. № 2.
- Черноглазов А.* Формула воцерковления // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993.
- Кондратович В.* По разные стороны баррикад (К. Л. и Н. Федоров) // Там же.
- Булычев Ю.* Вольнолюбивый певец деспотизма // Там же.
- Адрианов Б.* Иерархия — вечный закон человеческой жизни // Там же.
- Мальчевский Н.* Живое и мертвое в русской философии // Там же.
- Носов С.* Судьба идей Константина Леонтьева // К. Л. Избранные письма. 1854—1891. СПб., 1993.
- Долгов К. М.* Восхождение на Афон. М., 1995.
- Ivanov A. K. N. Leont'ev. Il pensiero, l'uomo, il destino.* Pisa, 1973.

- Obolenskii A.* Essai critique sur l' esthetique de K. N. Leont'ev // Canadian Slavonic Papers. 1973. № 15.
- Rzhevskii N.* Leont'ev's Prickly Rose // Slavic Review. 1976. № 35.
- Ferrari A.* La Terza Roma. Parma, 1986.
- Mondry H.* Another literary parody on Chernyshevsky in K. Leontiev's *In my own land* // Die Welt der Slaven. 1990. XXXV. 2.
- Mondry H.* A Husband's Confession: towards the typology of Leontiev's Writing // Die Welt der Slaven. 1991. XXXVI. 1.
- Mondry H., Thompson S.* Konstantin Leont'ev. An Examination of His Major Fiction. M., 1993.
- Broda M.* Najtrudniejsze z rosyjskich wyzwań? Zagadka Leontjewa i Rosja. Łódź, 1994.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Г. КРЕМНЕВ

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ И РУССКОЕ БУДУЩЕЕ

«Столетие Леонтьева» (т. е. «русский XX век») — так называлась одна из недавних юбилейных публикаций, посвященных памяти мыслителя, поставившего перед собой на первый взгляд невыполнимую задачу: заглянуть в будущее — России и мира.

Это «будущее» (которое для нас — все еще не осмысленное прошлое, неподъемным грузом мешающее жить сегодня и застилающее наш собственный взгляд вперед — в *наше* будущее) было предсказано им со столь неправдоподобной точностью, что цитаты-доказательства могут показаться «подложными»:

«Вообразим себе, что лет через 50 каких-нибудь весь Запад сольется (мало-помалу утомленный новыми европейскими войнами) в одну либеральную и нигилистическую республику наподобие нынешней Франции <...> Положим, что и эта форма солидной будущности не может иметь, но так как всякое, хотя бы и преходящее, но резкое направление человеческих обществ находит себе непременно гениальных вождей, — то и эта общедоказательная республика лет на 20–25 может быть ужасна в порыве своем. Если к тому времени славяне, *только отсталые* от общего разрушения, но не *глубоко по духу обособленные*, со своей стороны, не захотят (по некоторой благой отсталости) сами слиться с этой Европой, а будут *только* или конституционным

царством, или даже и без конституции, *только*, как при Александре II, монархией, самодержавной *в центре* и равноправной, однообразно-либеральной *в общем строе*, то республиканская все-Европа придет в Петербург ли, в Киев ли, в Царьград ли и скажет: “Отрекитесь от вашей династии, или не оставим камня на камне и опустошим всю страну”. И тогда наши Романовы, при своей исторической гуманности и честности, — откажутся сами, быть может, от власти, чтобы спасти народ и страну от крови и опустошения, и мы сольемся с прелестной утилитарной республикой Запада» (письмо к о. И. Фуделю от 6–23 июля 1888 г.).

«Либерализм, простертый еще *немного* дальше, довел бы нас до взрыва, и так называемая *конституция* была бы самым верным средством для произведения *насильственного социалистического* переворота, для возбуждения бедного класса населения противу богатых, противу землевладельцев, банкиров и купцов для новой, ужасной быть может, пугачевщины»*.

«Вообразим себе на минуту — что в 1881 году торжество нигилистов в России было бы полное. В России республика; члены дома Романовых частью погибли, частью в изгнании. Монастыри закрыты; школы “секуляризованы”; некоторые церкви приходские, так и быть, пока еще оставлены для глупых людей. Чернышевский президентом; Желябов, Шевич, Кропоткин министрами...»**.

«Коммунизм в своих буйных стремлениях к идеалу *неподвижного равенства* должен рядом различных сочетаний с другими началами привести постепенно, с одной стороны, *к меньшей подвижности капитала и собственности*, с другой — к новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы и *принудительным* корпоративным группам, законами *резко очерченным*; вероятно, даже к новым формам личного рабства или закрепощения»***.

«И для исполнения особого и великого религиозного призвания Россия должна все-таки *значительно разниться* от Запада и государственно-бытовым строем своим. Иначе она не главой религиозной станет над ним, а простодушно и по-хамски срастется с ним ягодицами демократического прогресса (родятся та-

* *Леонтьев К. Н.* Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге (1881—1883 гг.) // СС. М., 1912. Т. 7. С. 500.

** «Культурный идеал и племенная политика» (1890 г.). Рукопись этой никогда не публиковавшейся статьи (находится в Гос. Лит. музее) подготовлена нами для печати.

*** *Леонтьев К. Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения (2-я пол. 1880-х гг.) // СС. М., 1912. Т. 6. С. 59–60.

кие уроды — ягодицами срослись)» (письмо к свящ. Иосифу Фуделю от 19 января — 1 февраля 1891 г.).

Подобная зоркость может быть объяснена не столько даже особым даром предвидения, сколько, думается, тем ускользнувшим от исследователей леонтьевского наследия обстоятельством, что мировоззрение его системно (хотя, конечно, *не есть* система) и — внутри себя — продуманно и логично до такой степени, что это позволяет «расчислить» («вообразить») все возможные варианты глобальных культурно-исторических процессов (самым трудным и мучительным оказалось определить степень вероятности или, как Леонтьев однажды выразился, «сбыточности» этих вариантов).

Леонтьевское мировоззрение — это хитросплетенный и весьма сложный синтез культурологии, государствоведения, политологического анализа, историософской «мечты», которые все — как к своему увенчанию или концентру всех этих «окружностей» — устремлены к тому, что придется назвать *эсхатологической футурологией*: все сценарии будущего рассматриваются здесь в виду конца истории.

Утверждая (вслед за Данилевским), что история есть «смена культурно-исторических типов»*, и предположив (под влиянием статьи Вл. С. Соловьева «Россия и Европа»), что после рома-

* *Примеч. 1995 г.:*

Собственно говоря, это только *первый* постулат до сих пор никем не реконструированной леонтьевской философии истории. По сравнению с Данилевским оригинальность Леонтьева состоит в радикализации этого «первопринципа», сопряженного (эклeктически или нет — это другой и далеко не столь простой, как может показаться, вопрос) у него с фундаментальными положениями святоотеческого богословия истории.

История здесь мыслится прежде всего историей Церкви (как Ветхозаветной, так и Новозаветной). Новозаветная история — это домостроительство спасения, «продолжающаяся Пятидесятница». История, однако, имеет конец, причем сроки его наступления неизвестны. Оба этих утверждения без труда можно найти в разных леонтьевских текстах (см., например: СС. Т. 7. С. 276–277, 423–424, 483). Следует лишь с особой силой подчеркнуть, что, несмотря на некоторую натурализацию (в чем Леонтьева, видимо не без оснований, упрекал Бердяев), леонтьевская эсхатология, в целом оставаясь вполне православной, радикально противостоит магистральной (хочется сказать: «генеральной») линии русской историософии: от Достоевского, Федорова и Соловьева до Бердяева, о. Павла Флоренского и о. Сергия Булгакова. Здесь в разных сочетаниях мы находим как неизбежное следствие ослабленной или вообще утраченной «сотериологической доминанты» — хилиазм, апокатастасис, наставление на условном характере пророчеств Апокалипсиса.

но-германской культуры (вступившей со второй половины XIX века на путь «вторичного упрости́тельного смещения») *новых* типов не будет, Леонтьев рисует такую, изумляющую прежде всего своими подробностями, картину всемирного «предсмертного смещения»:

«Однородное буржуазное человечество <...> дошедшее путем всеобщей, всемирной однородной цивилизации до такого же однообразия, в котором находятся дикие племена, — такое человечество или задохнется от рациональной тоски и начнет принимать искусственные меры к вымиранию (напр<имер>, могут только приучить всех женщин перед совокуплением впрыскивать известные жидкости, и они все перестанут рожать <...>); или начнутся последние междуособия, предсказанные Евангелием (я лично в это верю); или от неосторожного и смелого обращения с химией и физикой люди, увлеченные оргией изобретений и открытий, сделают наконец такую исполинскую физическую ошибку, что и “воздух как свиток совется”, и “сами они начнут гибнуть тысячами”» (письмо к К. А. Губастову от 15 марта 1889 г.).

Хотя все — закономерно и неотвратимо — движется к буржуазно-утилитарной мировой республике, этот «эгалитарно-либеральный процесс» (в каких бы формах — насильственных или самых мирных и повседневных — он ни протекал), который Леонтьев везде именуется специальным термином «революция», можно *замедлить, задержать*, в чем и усматривается главная задача «христианской политики». Поэтому, для Леонтьева, все, что препятствует этой всемирной революции, — благо; не только святоотеческое Православие и самодержавная Монархия (т. е. собственно, то, что скрывается за словом «византизм»), но и: крепкий сословный строй, крестьянская община, соединение Церквей, мистические секты (понуждающие Русскую, «синодальную», Церковь к активному им противодействию) или же «охранительный социализм»*.

* Только тот, кто знаком с леонтьевской концепцией «охранительного» — или, по его же собственному слову, «реального» — социализма (как деспотической социальной организации, призванной «приостановить излишнюю подвижность жизни (от 89 года XVIII стол<етия>)), может по достоинству оценить всю историософскую глубину и серьезность известной шутки Леха Валенсы: «Социализм — это просто самая длинная дорога к капитализму».

[Примеч. 1995 г.:

Особо отметим, что, по глубокому убеждению Леонтьева, отдалает сроки пришествия антихриста (т. е. конца земной истории, которая

И, напротив, ослабление и истощение этих сдерживающих, «задерживающих» начал, торжество «принципов 89 года XVIII столетия» — это, по мысли Леонтьева, явные и непреложные культурно-исторические знамения «кончины века сего», симптомы все быстрее приближающихся «последних событий» (Вл. С. Соловьев).

Парадоксальность леонтьевской позиции заключается в том, что он, по своей натуре страстный боец, является не участником совершающейся у него на глазах (и понятной одному лишь ему) всемирной — но прежде всего русской — трагедии, а, по мере сил, беспристрастным (т. е. стремящимся не впасть в самообман, не выдать страстно желаемое... пусть даже за возможное) ее аналитиком; тем не менее он не столько свидетель, сколько врач, освидетельствующий *несомненно больной и старый уже культурно-государственный организм России* *.

не имеет для Леонтьева самодовлеющего значения, но ценна в конечном счете именно как сотериологический процесс; т. о. отдаленные эсхатологические сроки и есть увеличение числа спасаемых душ) *именно — и только — Россия*: не только как Царство-«удерживающий» (см. 2 Сол., гл. 2), но и как потенциальное «месторазвитие» будущего — последнего, «славяно-туранского» — культурно-исторического типа (который она способна — «может быть!» — породить из своих недр по разрешению Восточного вопроса и освобождении Царьграда) (см. об этом письма 1888—1891 гг., особенно те фрагменты из них, которые напечатаны в кн.: Россия перед вторым пришествием. М., 1994. С. 64–68).

Оба этих аспекта (монархический и культур-историософский) связаны, для Леонтьева, очевидной взаимозависимостью: утратив все своеобычное (т. е. пресловутую «эстетику жизни», понятую как *культурное своеобразие*), Россия не понесет креста своей «государственной формы» и, после отречения от нее, умрет как культурно-государственный организм, что и откроет путь к власти антихристу (последнего не произошло, по нашему мнению, лишь благодаря *вселенскому чуду* явления 2 марта 1917 года Державной иконы Божией Матери).]

* А доживи Леонтьев до предсказанного им с такой точностью 2 марта 1917 года, он, несомненно, констатировал бы «летальный исход». Все дальнейшее — по логике этого предположения — представляется «постисторической» отсрочкой. (Причем было бы неверно, вслед за П. Б. Струве [см.: *Pipes R. Struve. Liberal on the Right, 1905—1944. Cambr.; London, 1980. P. 403*], утверждать, что коммунисты исполнили леонтьевскую мечту «подморозить Россию»: Леонтьев имел в виду нечто иное; кроме того, и сама сегодняшняя «разморозка» — как ни относиться к этому процессу — это все же «легализованное разложение» России послемартовской.)

Тем неожиданней голос светлой надежды, звучащий в одной из самых мрачных его работ, предсмертной статье (а по сути — духовном завещании) «Над могилой Пазухина»:

«Истинно мировое есть прежде всего *свое собственное, для себя созданное, для себя утвержденное, для себя ревниво хранимое и развиваемое*, а когда чаша народного творчества или хранения переполнится *тем именно особым напитком, которого нет у других народов* и которого они ищут и жаждут, тогда кто удержит этот драгоценный напиток в краях национального сосуда?! Он польется сам через эти края национализма, и все чувшие люди будут утолять им жажду свою»*.

[Примеч. 1995 г.:

Вышеприведенный абзац (как и большая часть данной заметки) был написан в июле 1991 г. (и опубликован в декабре того же года). С наступлением эпохи бесцензурной стало возможным назвать все своими именами:

«Если — вслед за Леонтьевым — считать Самодержавие *живой душой* России, то 2 марта — это дата *смерти* русского *государственного организма*, *конца* русской истории. Тайный смысл “русской постистории” — Россия лежит в гробу и чаёт воскресения («на малое время», по слову св. Иоанна Кронштадтского) <...>» [г. «Град-Китеж». М., 1992. № 5(10). С. 27.]

* СС. Т. 7. С. 417.